

О Б Л А К А

29.09.2015

В эфире программа «Облака».

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В этом году исполнилось 155 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова. «Чехов – жив» - так назывались международные театрализованные он-лайн чтения, которые прошли 25 сентября. Около 700 человек в России и за ее пределами, сменяя друг друга, в течение 24 часов читали более 40 произведений великого русского писателя. Продюсер проекта Фекла Толстая считает, что и сегодня Чехов по-прежнему актуален, «и, несмотря на то, что в своих произведениях Чехов, порой, очень жестко ставит свой «диагноз», в них всегда есть надежда».

В рассказе «Крыжовник», опубликованном в 1898 году, Чехов выразил свое представление об идеальном устройстве общества: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда-болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других». «Но человека с молоточком нет», - с горечью заключает писатель, - «счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и все обстоит благополучно».

Зато сам Антон Павлович как раз и был таким «человеком с молоточком».

В 1890 году Антон Павлович Чехов, 30-летний, но уже известный писатель, отправился на остров Сахалин – самую дальнюю российскую каторгу. К тому времени Чехов уже был болен чахоткой. Как медик, он понимал, чем грозит поездка на остров с губительным для туберкулезников климатом. Биографы считают, что путешествие на Сахалин стало одной из главных причин ранней (в 44 года) смерти писателя. Но Антон Павлович торопился, зная, что дальнейшее развитие болезни может сделать поездку на Сахалин невозможной. Плодом этого рискованного путешествия стала его знаменитая книга «Остров Сахалин».

В этой книге писатель назвал увиденный им мир рукотворным «адам на земле». Чехову надо было не только описать этот ад, но и понять истоки, причины его появления. За три месяца, помимо обширных научных исследований, Антон Павлович провел перепись сахалинского населения, заполнив около 10 тысяч статистических карточек.

«Остров Сахалин» – блестящее научное исследование, но это не единственное произведение великого писателя, которое послужило делу становления отечественной

медицины. В своих рассказах и пьесах Чехов дал «культурные» образцы, примеры служения святому делу спасения жизни людей, облегчения их страданий. И еще Антон Павлович показал, что врач, использующий свои знания, умения, свой талант для наживы – есть «нравственное чудовище».

Рассказывает доктор медицинских наук, профессор Всеволод Галкин (запись из архива Облаков):

Начиная от Астрова – этого подвижника, земского врача, который говорит: дня нет, часа нет, чтобы я мог спокойно ночью уснуть – ночью вздрагиваю, зовут к больному. И кончая Ионычем, который опустил. Это врач, который великолепно представляет рыночную экономику в чистом виде. Который из молодого, яркого, думающего врача, верящего в светлое, хорошее, он превратился в человека, который занимался только тем, что к вечеру засаленные бумажки перебирал, собирал, складывал их в чулок, как говорится, покупал один дом, второй, третий..

Для нынешнего медицинского сообщества Чехов не только гениальный писатель, но и образец жизни, деятельности, так же как и «святой доктор» Федор Гааз, и другие врачи, заложившие основы медицинской этики, согласно которой медицина – это «служение». Служение человеку, для человека и во имя человека. Но для того, чтобы такое понимание распространилось и на российских заключенных, нужны были подвижники и – тексты, о которых говорят, что они «написаны кровью». Такой была книга-исследование «Остров Сахалин».

Выдающийся российский юрист 19 века Анатолий Кони, автор книги о святом докторе Федоре Гаазе, писал: ««Остров Сахалин», несет на себе печать беспощадной траты времени и сил. В книге за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя».

Приведем отрывок из книги А.П. Чехова «Остров Сахалин»:

«В канцелярию ввели беглеца Прохорова. Устроивши небольшой плот, он поплыл на нем к материку.

Доктор, молодой немец, приказал Прохорову раздеться и выслушал сердце для того, чтоб определить, сколько ударов может вынести этот арестант. Он решает этот вопрос в одну минуту и затем с деловым видом садится писать акт осмотра.

Идем все в «помещение для надзирателей» – старое серое здание барачного типа. Военный фельдшер, стоящий у входа, просит умоляющим голосом, точно милостыни:

– Ваше высокоблагородие, позвольте посмотреть, как наказывают!

Посреди надзирательской стоит покатая скамья с отверстиями для привязывания рук и ног. Палач, высокий, плотный человек, имеющий сложение силача-акробата, без сюртука, в расстегнутой жилетке, кивает головой Прохорову; тот молча ложится.

Прохоров привязан, палач берет плеть с тремя ременными хвостами и, не спеша, расправляет ее.

– Поддержись! – говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар.

– Ра-аз! – говорит надзиратель дьячковским голосом.

В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли и раздается не крик, а визг.

– Два! – кричит надзиратель.

После каждых пяти ударов палач медленно переходит на другую сторону и дает отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже после 5–10 ударов тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожа лопается на нем от каждого удара.

– Ваше высокоблагородие! – слышится сквозь визг и плач. – Пощадите...

Вот уже какое-то странное вытягивание шеи, звуки рвоты... Прохоров не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: «Сорок два! Сорок три!». До девяноста далеко.

Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздражающие звуки из надзирательской, мне кажется, проносятся по всему поселку.

Вхожу опять в надзирательскую, потом опять выхожу, а надзиратель все еще считает.

Наконец девяносто. Прохорову помогают подняться.

Место, по которому били, сине-багрово от кровоподтеков и кровоточит.

Зубы стучат, лицо желтое, мокрое, глаза блуждают. Когда ему дают капель, он судорожно кусает стакан...

– Люблю смотреть, как их наказывают! – говорит радостно военный фельдшер, очень довольный, что насытился отвратительным зрелищем.

От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди. Иные до такой степени привыкают к плетям и розгам и так грубеют, что, в конце концов, даже начинают находить удовольствие в дранье».

Уже первые журнальные публикации глав из книги «Остров Сахалин», вышедшие с 1892 года, вызвали негодование российского общества. Уступкой общественному мнению, взбудораженному этой книгой, стали реформы, проведенные впоследствии русским правительством:

- в 1893 году были отменены телесные наказания для женщин,
- через 6 лет после этого Россия отказалась от таких наказаний, как «вечная ссылка» и «пожизненная каторга»,
- в начале 20-го столетия - в 1903 году - были запрещены телесные наказания и бритье головы.

Начальник Главного тюремного управления Саломон направлял Чехову отчеты о своей поездке на Сахалин в 1898 году, в которых писал: «Позволю себе покорнейше просить Вас принять эти две работы как дань моего глубокого уважения к Вашим трудам по исследованию Сахалина, трудам, которые одинаково принадлежат и русской науке и русской литературе».

Книгу «Остров Сахалин» можно назвать предупреждением о том, что за дегуманизацией и ужесточением системы наказаний следует рост преступности, падение общественной нравственности, духовная деградация. Так считает выдающийся врач, академик Андрей Иванович Воробьев (запись из архива Облаков):

«От того, что мы наказали человека, что общество от этого приобрело? Вы думаете, меньше стало преступлений? Нет. И на этот вопрос отвечает Чехов: доведенные до отчаяния каторжане бегут, и самое частое преступление – убийство. Они все знают, за убийство – виселица. И, тем не менее, чем хуже условия, чем жестче наказание, чем больше срок, тем больше убийств, тем больше преступлений. Это не выход из положения. Мы должны это помнить и должны думать о том, сохранять ли эту русскую тюрьму. Это термин международный. Нет понятия «французская тюрьма», есть понятие «русская тюрьма»... В том виде, как она есть, она не годится.

В настоящее время Россия занимает 10 место в мире по числу заключенных на 100 тысяч населения. Активная тенденция к снижению тюремного населения, наблюдавшаяся в последние несколько лет, сейчас резко замедлилась. На 1 сентября, согласно официальной статистике Федеральной службы исполнения наказаний, в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 645 тысяч человек – с начала этого года тюремное население сократилось на 27 тысяч, но в основном – за счет амнистии к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

По словам депутата Государственной думы Татьяны Москальковой, сегодня «вся уголовно-исполнительная система реформируется, и нужны принципиально новые подходы к службе в системе ФСИН».

С прошлого года в пяти регионах проходит эксперимент по апробации модели Центра исправления осужденных внутри исправительных учреждений. Эксперимент предусматривает изменение существовавшей многие годы отрядной системы содержания. На базе нескольких отрядов создают более крупные подразделения - Центры, рассчитанные на 200 человек, с полным набором персонала, который включает в себя начальника, заместителей по воспитательной работе, режиму и надзору, а также психолога, социального работника и специалиста по организации труда. Такой комплексный подход позволяет более адресно работать с осужденными, оказывать им конкретную помощь в решении вопросов трудового, бытового устройства после освобождения.

Адресная работа с осужденными является одной из основных задач центров исправления. Но эксперимент не затрагивал и не предполагал изменение содержания, форм и методов проведения социальной и воспитательной работы. В первую очередь, он был направлен на решение организационно-управленческих задач, на улучшение взаимодействия сотрудников различных отделов и служб, и активизацию их усилий на исправление осужденных.

По отзывам самих осужденных, теперь, когда в таком Центре с ними постоянно находятся несколько сотрудников, всегда можно к ним обратиться, получить необходимые консультации и конкретную помощь по правовым и социальным вопросам.

Мониторинг эксперимента, проведенный НИИ ФСИН России, показал, что 100% сотрудников колоний, в которых были созданы центры исправления, признали такую модель эффективной.

Индивидуальная работа с осужденными и возможности получения ими помощи в решении социальных и педагогических проблем улучшились примерно на 50%, и таким образом, можно ожидать более благоприятных условий для реабилитации заключенных после освобождения.

По информации ФСИН, на сегодняшний день в 71 субъекте РФ уже существуют Программы по адаптации бывших осужденных, и на эти цели регионы выделили из своих бюджетов около 55 миллионов рублей.

Таковы промежуточные результаты тюремной реформы 21-го века, спустя более 120 лет после «Острова Сахалин».

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.